1906

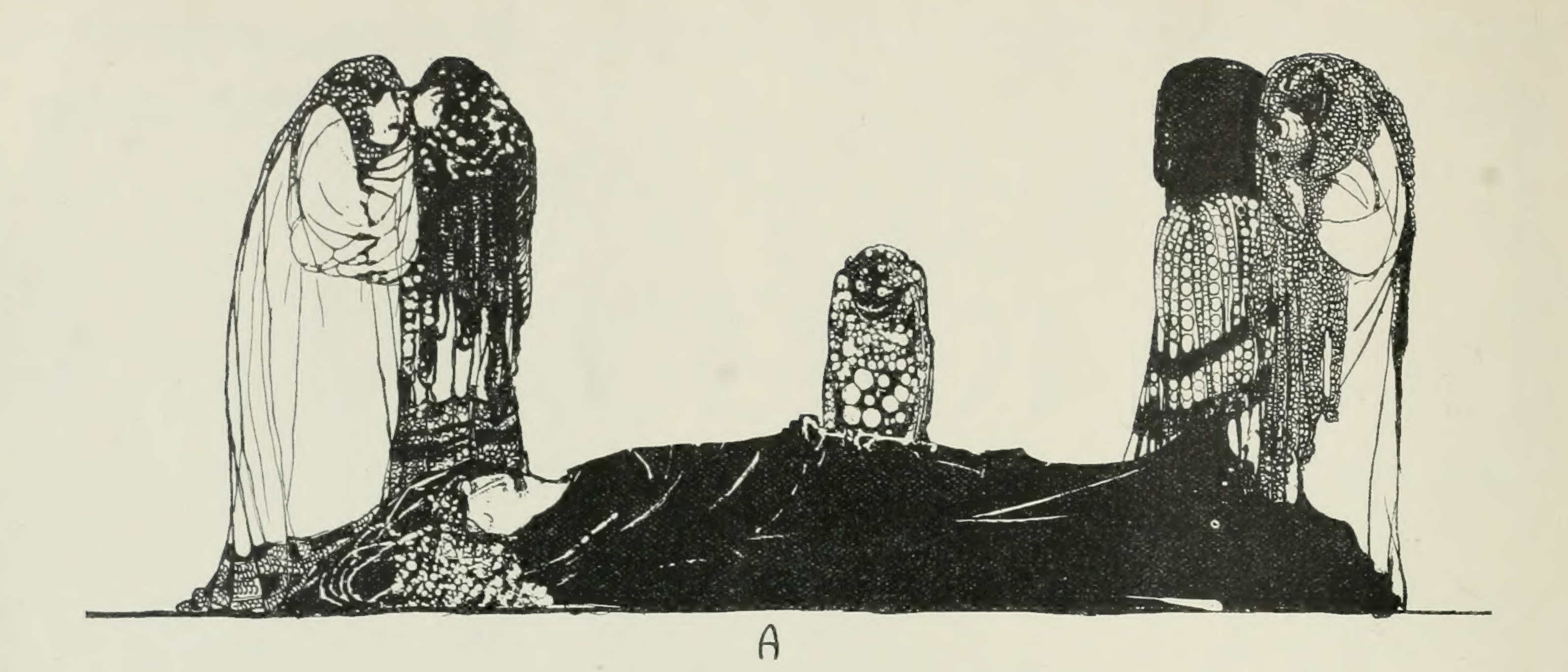
№ 1

АДСКАЯ ПОЧТА

ЦѢНА 15 К.

РАДОСТЬ НА НЕБѢ НОВАГО МАНИФЕСТА РАДИ.

Рис. М. С.

Предисловіе

«Адская Почта»—журналъ художниковъ: ихъ духу, свободолюбивому и мятежному (а они истинно свободолюбивы и мятежны, явно или скрытно, если они—истинные художники), тѣсны грани и цѣли освободительныхъ стремленій переживаемаго нами историческаго момента. Они хотятъ послѣдней свободы, и мятежны до конца.

Борьба противъ насилія и насильниковъ, рабства и поработителей должна исходить изъ любви не къ относительной и ограниченной, но къ безусловной и цѣльной свободѣ. Временныя, обыденныя маски угнетенія и раболѣпія могутъ быть забрасываемы комками уличной грязи; но изъ-подъ измѣнчивыхъ масокъ глядитъ неподвижная враждебная стихія неволи, жестокости и пошлости, и—чтобы не скользнуть только по маскѣ—стрѣлы сатиры должны слетать съ туго натянутаго лука конечной непримиримости.

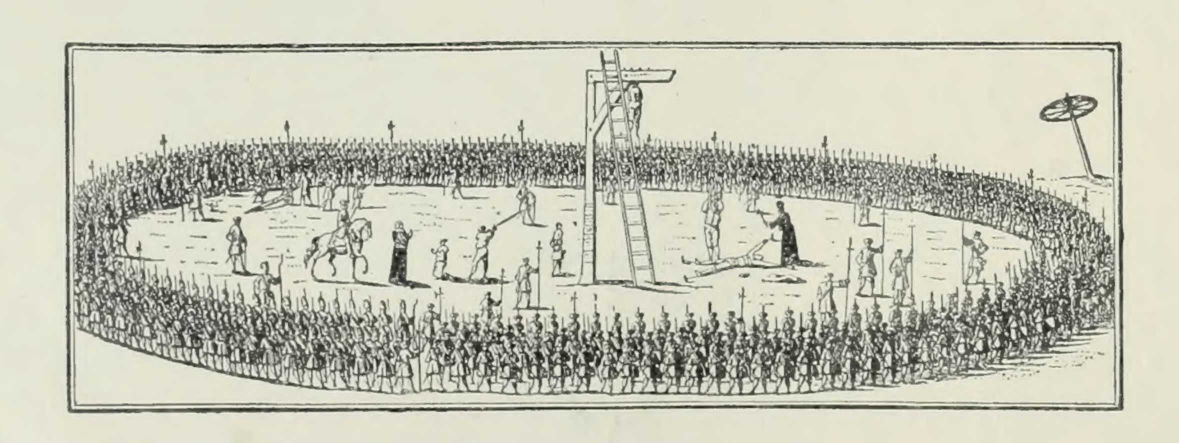
Подъ личинами мѣщанства царствующаго, но уже презираемаго и развѣнчиваемаго, намъ виденъ ликъ болѣе живучаго, быть можетъ безсмертнаго мѣщанства. Всякое мѣщанство начинается въ тотъ мигъ, когда успокоился и устроился въ себѣ человѣкъ и сталъ глухъ къ зазывамъ свободы, сказавъ себѣ: «это ли не довольство? чего мнѣ еще надобно?»

«Адская Почта» хочетъ сдѣлать ощутительнымъ для читателей черный фонъ нашей послѣдней ненависти, на которомъ сигналами братскаго единенія съ борцами за волю и за человѣка вспыхиваютъ багряныя знамена нашего перваго бунта.

На этомъ черномъ фонѣ будутъ ярче пестрѣть наши балаганныя маски. Изъ чернаго молчанія нашего непримиримаго нѣтъ звонче будутъ вырываться бряцанье бубенцовъ и свистъ бича.

И свѣтлое сверканье кинжальной стали мы любимъ подъ алою пышностью изнѣженныхъ розъ...

«Адская Почта» издавалась въ XVIII вѣкѣ. Она была возобновлена въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка. И въ началѣ XX столѣтія воскресаетъ «Адская Почта». Злоба и презрѣніе поколѣній, идущихъ къ свѣту, растутъ. Мы привѣтствуемъ это crescendo ихъ ненависти.

МУДРЕЦЪ.

Былъ мудрецъ.

Онъ понялъ печальную тайну жизни, тайна наполнила сердце его темнымъ трепетомъ ужаса и во мракѣ ея грустно погасли улыбки земли, тихо умерли радости.

Холоднымъ окомъ разума своего онъ смотрѣлъ въ глубь временъ и видѣлъ тамъ тьму; будущее было ясно для него—тамъ была тьма.

Онъ ходилъ по дорогамъ родины своей, по улицамъ городовъ и по селамъ ея, онъ ходилъ, печально покачивая одинокой, мудрой головой, и звучала въ пестромъ шумѣ жизни его проповѣдь, какъ печальный звонъ похороннаго колокола.

— Люди! Вы живете между тьмою и тьмой. Изъ пропасти невѣдѣнія вышли вы, въ туманѣ невѣдѣнія трепещетъ жизнь ваша, леденая тьма невѣдѣнія ждетъ васъ впереди...

Люди слушали грустную рѣчь его, понимали горькую правду ея и вздыхали, молча глядя въ очи мудреца.

Но, проводивъ его въ одинокій путь мудраго, они шли къ работамъ своимъ и на пиршества свои, ѣли хлѣбъ свой, пили веселое вино свое и, со смѣхомъ любуясь играми дѣтей, забывали о нуждахъ своихъ и о горѣ, извѣданномъ ими вчера.

Боролись другъ съ другомъ за власть и богатства, умиленно слушали проповѣдь любви, руками въ крови ближняго своего ласкали милыхъ сердцу красавицъ и устами предателей цѣловали друзей своихъ. Воровали другъ у друга имущество и, обогащенные кражами, горячо защищали собственность, безсовѣстно лгали другъ другу и всѣ говорили, что лишь правда должна быть царицею жизни, а нѣкоторые даже вѣрили въ благостную силу правды и страдали за вѣру свою. Любили они музыку и счастливо плакали подъ звуки ея, восхищаясь красотой, а вокругъ себя допускали безобразное, совершали отвратительное. Порабощали они другъ друга и говорили, что жаждутъ свободы, презирали подчинявшихся власти ихъ и тайно, трусливо, какъ хитрые звѣри ненавидѣли владыкъ своихъ. И всегда, желая лучшаго, тревожно искали его вокругъ себя, но въ себѣ не умѣли создать это лучшее, поглощенные мелочными заботами объ удобствахъ жизни своей, истощая свой умъ во враждѣ и во лжи, въ грубыхъ хитростяхъ ради торжества ненасытной своей жадности ко благамъ земли.

Такъ, подобно грязнымъ свиньямъ, жили эти забавные чудаки и считали себя падшими ангелами. И была ихъ жизнь какъ вулканъ грязный, вулканъ неистощимый, изрыгавшій въ свѣтлую пустыню небесъ смрадный паръ стоновъ и воплей, липкій пепелъ страданій и горя, вонючую грязь вожделѣній звѣриныхъ...

Одинокій мудрецъ, тихо шествуя сквозь суету земли, говорилъ голосомъ всевѣдѣнія:

— Что есть жизнь? Вы не знаете. Что—истина? Вы не скажете. И зачѣмъ вы? Неизвѣстно вамъ. Вотъ въ чемъ ваше несчастіе!

И видя, какъ влюбленный обнимаетъ возлюбленную свою, говорилъ имъ печально:

— Смерть ждетъ васъ и потомство ваше...

И видя, какъ люди строили роскошныя жилища себѣ, говорилъ, укоряя:

— Все сіе—въ жертву гибели...

И видя дѣтей, играющихъ на лугу среди цвѣтовъ, подобныхъ имъ, вздыхалъ и говорилъ въ сердцѣ своемъ:

— Жатву смерти видятъ очи мои...

И если нѣкто изъ мудрецовъ жизни, чуждыхъ душѣ познавшаго темную мудрость смерти, поучалъ юношество въ храмѣ науки своей чуднымъ тайнамъ ея, онъ говорилъ усмѣхаясь:

— Ограниченность—имя мудрости твоей! Ибо погибнетъ земля и всѣ храмы ея, и науки ея, и правда и ложь ихъ, и не вѣдомъ тебѣ день и часъ гибели твоей...

—

Но однажды, на окраинѣ шумнаго города, въ темной, узкой улицѣ грязи и нищеты, въ смрадномъ туманѣ запаховъ гніенія, мудрецъ увидѣлъ тѣсную толпу работниковъ; одинъ изъ нихъ говорилъ имъ рѣчь, и удивился мудрецъ вниманію слушателей—никогда люди не слушали его проповѣдь съ такой жадностью. И острый уколъ зависти коснулся сердца мудреца.

— Товарищи! говорилъ ораторъ работникамъ:—Мы лежимъ въ грязи труда нашего подобно камнямъ на днѣ рѣки, а надъ нами быстро катятся волны жизни владыкъ нашихъ. Мы для нихъ какъ ступени и по нашимъ тѣламъ они поднимаются вверхъ, на высоту истины и оттуда обращаютъ силу разума своего противъ насъ, дабы поработить еще и души наши... Они все знаютъ,—мы—ничего, они—живутъ, мы—еще не жили, имъ вѣдома вся мудрость, намъ—только сказки; все свѣтлое въ ихъ рукахъ, въ нашихъ—ничего и даже хлѣба мало, чтобы сытыми жили мы. Поработили они насъ и пресытились, и вотъ уже скоро голодъ нашъ побѣдитъ пресыщенныхъ, ибо безсиленъ духъ ихъ, тогда какъ мы жизнію духа живы и сильны. Мы хотимъ жить, мы хотимъ знать, мы хотимъ быть людьми. Мы хотимъ насытить алчущій духъ нашъ всею мудростью земли, созданной на твердыняхъ терпѣнія нашего, мы хотимъ всего, что уже есть, мы хотимъ создать то, чего нѣтъ еще!

— Человѣкъ!—сказалъ мудрецъ, снисходительно усмѣхаясь.—Заблужденіе—имя словъ твоихъ. Ограниченно познаніе людей и не будутъ они знать болѣе, чѣмъ могутъ. И не все-ли равно тебѣ, какъ погибнешь ты, голодный или пресыщенный, подобно тѣмъ, противъ которыхъ ты направляешь столь слабое жало мудрости твоей? И не все-ли равно невѣждой ляжешь ты въ гробъ твой или одѣнешься въ холодный саванъ жалкихъ ученій владыкъ твоихъ? Подумай,—все на землѣ и сама земля будетъ ввергнуто въ черную пропасть забвенія, въ бездонную пучину смерти...

Работники молча смотрѣли въ очи его неподвижно, слушая мудрую рѣчь, и чѣмъ больше говорилъ онъ, тѣмъ сильнѣе одѣвались лица ихъ суровымъ холодомъ. Потомъ одинъ изъ нихъ сказалъ товарищу:

— Матвѣй! У меня рука болитъ—дай ты въ шею этой старой обезьянѣ...

Вотъ и все...

...Да, конечно, я согласенъ, онъ нѣсколько грубоватъ, этотъ рабочій народъ, но развѣ онъ виновенъ въ этомъ? Вѣдь его—никто не училъ хорошимъ манерамъ.

М. Горькій.

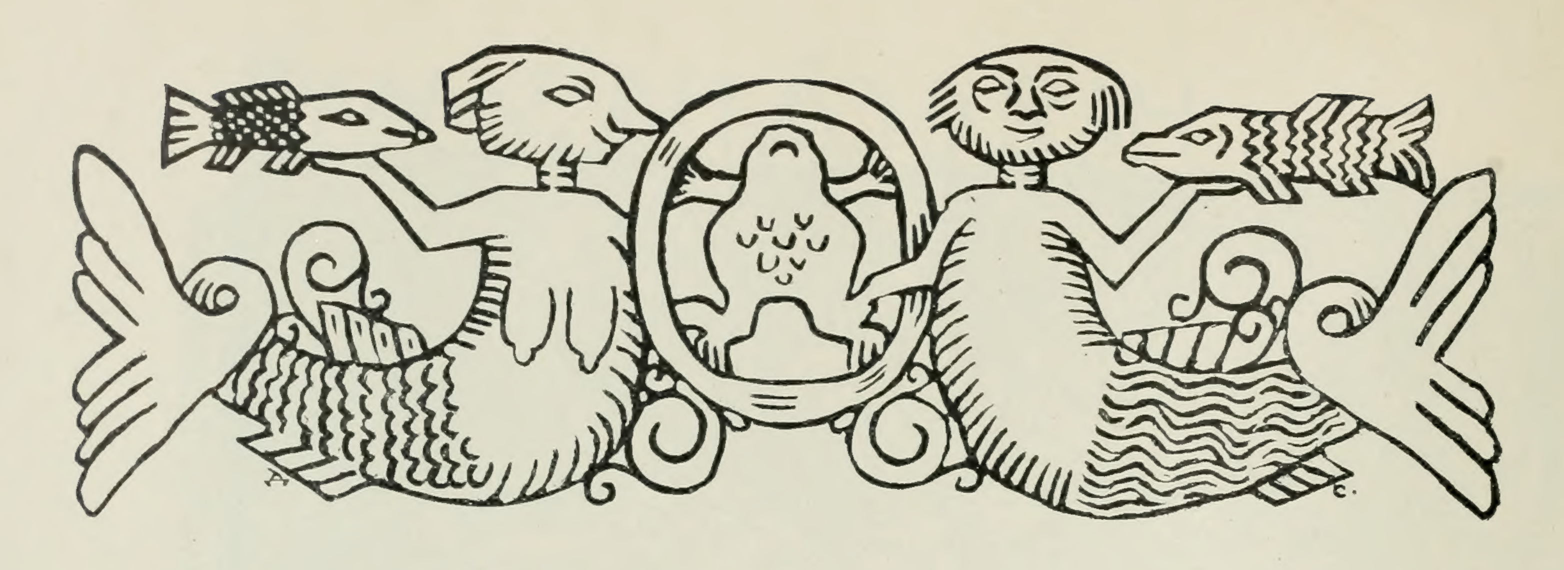

НЕВЕСÀ НА ЗЕМЛѢ.

Рис. М. С.

СИВИЛЛА.

Въ этой призрачной Пальмирѣ,
Въ этомъ маревѣ полярномъ,
О, пребудь съ поэтомъ въ мирѣ,
Ты, надъ взморьемъ синезарнымъ

Мнѣ являвшаяся дивной
Аріадной, съ кубкомъ рьянымъ,
Съ флейтой буйно-заунывной
Иль съ узывчивымъ тимпаномъ,—

Тамъ, гдѣ въ гроздьяхъ, тамъ, гдѣ въ гимнахъ
Рдѣютъ Вакховы экстазы...
Въ тусклый часъ, какъ въ тучахъ дымныхъ
Тлѣютъ мутные топазы,

Закружись стихійной пляской
Съ предзакатнымъ листопадомъ
И подъ сумеречной маской
Пой, подобная Мэнадамъ!

Въ желто-сѣрой рысьей шкурѣ,
Увѣнчавшись хвоей ельной,
Вихревѣйной взвейся бурей,
Взвейся вьюгой огнехмельной!..

Ты стоишь, на грудь склоняя
Ликъ духовный, ликъ страдальный,
Обрывая и роняя
Въ тѣнь и мглу рукой печальной

Лепестки прощальной розы,—
И въ туманныя волокна,
Какъ сквозь ангельскія слезы,
Просквозили розой окна—

И потухли... Все смѣсилось,
Погасилось въ волнахъ сизыхъ...
Вотъ—и ты преобразилась
Медленно... Въ убогихъ ризахъ

Мнишься ты въ ночи Сивиллой...
Что, сѣдая, ты бормочешь?
Ты грозишь ли мнѣ могилой?
Или міру смертъ пророчишь?

Приложила перстъ молчанья
Ты къ устамъ,—и я, сквозь шопотъ,
Слышу мѣднаго скаканья
Заглушенный тяжкій топотъ...

Замирая, кликомъ блѣднымъ
Кличу я: «Мнѣ страшно, дѣва,
Въ этомъ морокѣ побѣдномъ
Мѣдно-скачущаго Гнѣва“...

А Сивилла: «Чу, какъ тупо
Ударяетъ мѣдь о плиты...
То о трупы, трупы, трупы
Спотыкаются копыта»...

Вячеславъ Ивановъ.

МУДРЫМЪ.

Изъ книги «Востокъ».

Герой—какъ вихрь, срывающій палатки.
Герой врагу безумный далъ отпоръ,
Но самъ погибъ—сгорѣлъ въ неравной схваткѣ,
Какъ искрометный метеоръ.

А трусъ—живетъ. Онъ тоже местъ лелѣетъ,
Онъ тоже точитъ дротикъ, но тайкомъ.
О, да, онъ мудръ! Но сердце въ немъ чуть тлѣетъ:
Какъ огонекъ подъ кизякомъ.

Ив. Бунинъ.

СВИНЬИ.

(Сонетъ изъ Э. Верхарна).

Стада большихъ свиней — и самки и самцы —
Угрюмымъ хрюканьемъ переполняли поле,
Толпились на дворѣ и бѣгали на волѣ,
Тряся молочные, отвислые сосцы.

И близъ помойныхъ ямъ, лучами озаренныхъ,
Въ навозной жижицѣ барахтались, толпясь,
Мочились, хвостъ задравъ, уставивъ ноги въ грязь,—
И лоснился узоръ щетинъ ихъ очервленныхъ!

Но подходилъ ноябрь. Ихъ убивали. Ахъ,
Какой былъ славный жиръ въ ихъ грязныхъ животахъ!
Изъ ихъ большихъ задовъ само сочилось сало.

И шкуру ихъ скребли, потомъ палили ихъ,
И пламя ихъ костровъ, посмертныхъ, гробовыхъ
Всему селенію веселье возвѣщало!

Валерій Брюсовъ.

ФРИЦА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Сказочка.

Одни родители, папа съ мамой, долго сердились на своихъ мальчиковъ, Кешку да Пешку,—своевольные были Кешка да Пешка. И чего только съ ними папа и мама ни дѣлали, и по-хорошему-то ихъ унимали, и по-родительски, а имъ все неймется. Шалятъ, самочинствуютъ, да и на-поди.

Вотъ одинъ умный дядя и посовѣтовалъ папѣ и мамѣ:

— Что,—говоритъ,—вы на нихъ смотрите, на такихъ балбесовъ? Да вы ихъ сгоните со двора, а вмѣсто нихъ выпишите изъ-за границы парочку нѣмчиковъ; тамъ,—говоритъ,—ребята очень хорошіе, и всѣмъ комплиментамъ крѣпко научены.

Папа съ мамой обрадовались, такъ и сдѣлали: Пешку да Кешку выгнали вонъ, а на ихъ мѣсто выписали нѣмчика: на пару нѣмчиковъ денегъ жаль было, да и думали, что одинъ хорошій мальчикъ лучше, чѣмъ два плохихъ.

Пешка да Кешка долго плакали, прощенія просили, обѣщались не шалить, домой очень умильно просились, да ужъ не простили ихъ папа съ мамой:

— Нельзя, — говорятъ, — всѣ сроки вышли, и нѣмчику билеты желѣзнодорожные выправлены, такъ не пропадать же деньгамъ. Идите, — говорятъ,—съ Богомъ, по-добру, по-здорову.

Поныли еще Кешка да Пешка, Богу помолились, кресту поклонились, да и пошли, горемычные, куда глаза глядятъ.

А на мѣсто ихъ пріѣхалъ въ скорости изъ-за границы мальчикъ Фрица, чистенькій, вѣжливенькій, субтильный. Папѣ и мамѣ книксенъ сдѣлалъ, ручки лизнулъ, и тоненькимъ голоскомъ гутъ-моргенъ проговорилъ,—все какъ слѣдуетъ по заграничному правилу.

Только скоро у папы и у мамы пошли съ мальчикомъ Фрицей нелады, потому что Фрицѣ большая чистота требовалась, а у папы съ мамой къ чистотѣ душа не лежала, и отъ большой чистоты имъ тошно становилось.

Придетъ бывало Фрица, и заговоритъ учтиво:

—Глубокоуважаемые родители, дорогой и душевнопочитаемый папочка, милая и сердечно любимая мамочка, позвольте мнѣ чистую рубашечку, ибо та, которую я ношу въ продолженіе двухъ недѣль, несмотря на все мое стараніе не пачкать моей одежды, все-таки утратила свою первоначальную чистоту и нуждается въ стиркѣ.

А папа съ мамой говорятъ:

— Хорошъ и въ этой рубашкѣ, подожди до бани.

Такъ и во всемъ. Попроситъ Фрица чистой тарелки, ему папа съ мамой говорятъ:

— Жри на грязной.

Попроситъ Фрица купитъ ему частый гребешокъ расчесывать головку, ему говорятъ:

— Своей пятерни мало, такъ чешись десятерней.

Попроситъ помыться раньше баннаго срока, папа съ мамой скажутъ:

— Въ грязи теплѣе.

Сталъ Фрица по ночамъ плакать, началъ Фрица худѣть, началъ Фрица отъ грязи паршивѣть, пришла къ Фрицѣ русская холера, скрутила Фрицу въ одночасье.

Схоронили папа съ мамой Фрицу, говорятъ:

— Видно, нечего дѣлать, возьмемъ Пешку да Кешку опять.

Да ужъ поздно было. Кешка да Пешка поступили въ хулиганы, проткнули перочиннымъ ножикомъ брюки у самаго старшаго городового, и за это ихъ сослали въ самую далекую каторгу.

Не въ добрый часъ пришелся Фрица изъ-за границы. Да не добромъ помянули папа съ мамой и умнаго дядю.

Ѳедоръ Сологубъ.

Е. Е. Лансере.

Радость на землѣ основныхъ законовъ ради.
